

С. И. Михальченко

**ПЕРЕПИСКА РУССКИХ УЧЕНЫХ-ЭМИГРАНТОВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА
С. П. МЕЛЬГУНОВА В БРИТАНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК ЛОНДОНСКОЙ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ)**

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант № 15-01-00209)

Переписка ученых — один из ценнейших источников по истории развития науки. Не меньшее значение имеет переписка и как источник по истории академической деятельности (научной и учебной) русской профессуры. В последнее время письма стали привлекаться и для изучения научно-образовательной сферы жизни русской эмиграции первой волны, при этом основное внимание уделяется отечественным архивохранилищам [1, с. 93 — 96]. Между тем, сотни писем хранятся в зарубежных архивах, освоение которых, по сути, только начинается. Одним из таких хранилищ является Британская библиотека политических и экономических наук Лондонской Высшей школы экономики, где, среди прочих, находится фонд известного русского историка и политика Сергея Петровича Мельгунова (1879 — 1956). Биография и творчество Мельгунова уже привлекала внимание исследователей [2]. После окончания Московского университета Мельгунов работал в университетском архиве, затем преподавал историю в московских частных гимназиях. В 1906 г. вступил в партию конституционных демократов (кадетов), в 1907 г. перешел на позиции народно-социалистической партии (энесов). Одновременно активно выступал как публицист в различных либеральных изданиях.

В 1911 г. Мельгунов был в числе основателей кооперативного издательского товарищества «Задруга». За 11 лет существования «Задруга» сумела издать более 500 книг и брошюр (тиражом более 10 млн. экз.) по очень широкой тематике — от научно-общественной, экономической и политической до детской и музыкальной. В 1913 г. «Задругой» было организовано издание исторического журнала «Голос минувшего», на многие годы Мельгунов стал его редактором.

Встретив с одобрением Февральскую революцию, Мельгунов стал ярким противником Октябрьского переворота и затем большевистского режима. В 1918 — 1922 гг. он неоднократно арестовывался ВЧК, в конце концов, был выслан за рубеж на печально известном «философском пароходе». В эмиграции (вначале в Германии, затем во Франции) историк активно участвовал в политической и издательской деятельности, которую

не прекращал вплоть до конца жизни [3, с. 119 — 122]. Это обусловило его обширную переписку, значительная часть которой хранится в лондонском архиве. Долгое время фонд Мельгунова был не разобран и потому недоступен для исследователей. Однако в последнее время часть фонда, в том числе эпистолярная, разобрана и тем самым разрешена для использования.

Среди многочисленных адресатов Мельгунова было немало академических деятелей и организаций, в чьих письмах содержатся сведения о российском высшем образовании в эмиграции и об участии русских профессоров в работе вузов стран рассеяния.

Так, весьма ценными представляются письма известного историка Александра Александровича Кизеветтера. Высланный вместе с Мельгуновым, Кизеветтер с 1923 г. до кончины в 1933 г. проживал в Праге. В столицу Чехословакии он был приглашен для преподавания на Русском юридическом факультете (РЮФ) его основателем П.И. Новгородцевым. Об этом говорится в письме Мельгунову от 10 марта 1925 г. («Новгородцев <...> был главным устроителем моего сюда определения и даже именно для меня создал кафедру русской истории на своем юридическом факультете, где он деканом» [4, ф. 46]).

Работавший по российским дореволюционным программам, РЮФ ставил своей целью подготовку студентов к работе, как в Чехословакии, так и в России (в надежде на скорое возвращение). Он возник в рамках т. н. «русской акции» — масштабной системы материальной поддержки, оказывавшейся правительством Чехословакии русским эмигрантам в 1920-е гг. Наряду с учебными функциями факультет выполнял и научные — на нем были лица, оставленные при кафедрах для подготовки к профессорской деятельности, принимались магистрантские экзамены и даже проводились диспуты по защите диссертаций [5, с. 67 — 87]. Первоначально Кизеветтер был полон энтузиазма, и его не смущала обрушившаяся на него в Праге известность — наряду с обязанностями по преподаванию истории на РЮФ, он принимал активное участие в лекционной деятельности, поскольку это давало дополнительный заработок. «Я тут, можно сказать, изошел лекциями: прочел уже два публичных курса, а в апреле должен буду читать третий, — писал он Мельгунову 24 февраля 1923 г. — Прага удивительный город в том отношении, что тут каждый день буквально с утра до ночи все непрерывно читают лекции и что — еще удивительнее — всех слушают столь же непрерывно. Однако, если всё читать да читать лекции, то ведь думать разучишься, ибо времени для дум не остается. 4 марта опять мне предстоит читать: тут будет грандиозное собрание русских земледельцев со всей Чехословакии по случаю годовщины 19 февраля 1861 г.» [4, ф. 2 rev.-3]. Через несколько лет эйфория сменяется усталостью. 11 января 1925 г. он пишет: «Я ничего путного не пишу, только разъезжаю по лекциям, да прославляю разных юбиляров. Недавно чество-

вали Германову. Скоро предстоит чествование Немировича-Данченко». Через полгода — «всю зиму — непрерывные юбилеи, торжественные собрания и т. п., я себе прямо язык отшлепал» [4, f. 53 rev.]. С 1925 г. начала сокращаться «русская акция», итогом чего стало постепенное сворачивание Юридического факультета «Русская акция» здесь явно идет на сокращение. На юридическом русском факультете по распоряжению министерства прекращен прием на первый курс. То же грозит и русскому Педагогическому институту. Таким образом, настроение становится здесь кислым» (письмо от 28 августа 1925 г.) [4, f. 54]. «Факультет, как учебное заведение, просуществовал всего несколько лет: с одной стороны, значительно сократилась «русская акция», с другой, стало ясно, что Советская власть — это надолго, поэтому изучение русского дореволюционного права стало бесперспективным. Последний выпуск студентов был осуществлен в 1929 г. Затем до середины 1930-х гг. факультет являлся только научно-административным учреждением» [5, с. 86]. Поскольку курс истории читался как раз на первом курсе РЮФ, то Кизеветтеру пришлось искать другую работу. Таким местом явился знаменитый пражский Карлов университет. «Я действительно с этого года буду читать в Карловом университете, только что получил бумагу об утверждении моего курса. Читаю я по-чешски совершенно свободно, но говорю плохо за отсутствием практики» (письмо от 9.10.26) [4, f. 78]. Уже через месяц он делился впечатлениями с Мельгуновым (письмо от 8 ноября 1926 г.): «Третьего дня читал вступительную лекцию. Говорил по-чешски без бумажки и весьма суровые критики из числа чешских профессоров одобрили мою чешскую речь, а в *Narodnem Osvobození* появилась о моей речи восторженная статья. На будущей неделе начинаю и самый курс» [4, f. 79].

Наряду с пражскими академическими впечатлениями, в письмах Кизеветтера есть упоминания об учебных заведениях иных городов и стран. Так, 11 января 1925 г. он замечает: «В Берлине, видимо, все ползет по швам. Институт быстро чахнет. Интриги и взаимные подсиживания не прекращаются. А денег ниоткуда не видно. Ездить отсюда в Берлин на лекции стало уже невозможно, ибо Институт не в состоянии оплачивать поездки». (Речь здесь идет о Русском научном институте в Берлине — учебно-научном заведении эмиграции, где на первых порах преподавали и пражане. С ростом экономических трудностей в Германии учебные функции института уменьшались, он постепенно превратился в научно-просветительное учреждение» [6, S. 77—98]).

В фонде Мельгунова хранятся также письма известного историка, общественного деятеля и публициста Венедикта Александровича Мякотина (1867—1937). Большая часть писем посвящена редакторской работе Мякотина в издававшемся Мельгуновым журнале «Голос минувшего на чужой стороне», однако в них встречаются и ценные свидетельства его научной и

учебной деятельности. В этой связи особую ценность имеет письмо от 31 марта 1936 г. Мякотин в это время жил в Болгарии и преподавал в Софийском университете — собственных русских учебных заведений в этой стране уже не осталось. «Вы спрашивали еще, удовлетворяет ли меня чтение в университете. Нет, не удовлетворяет, — писал он. — Студентов-народников здесь очень мало, включающих в свою программу русскую историю и желающих слушать ее — того меньше. Моя обычная аудитория колеблется между 5-10 чел. С такой аудиторией следовало бы скорее вести занятия семинарского типа. Но это невозможно, т.к. нет в библиотеке подходящих пособий. Даже Полного Собрания Летописей нет <...> Не на чем, словом, поставить практические занятия, и приходится перед маленькой и слабо подготовленной аудиторией читать общие и специальные курсы, а это дает слабое удовлетворение [7, f. 144]. Правда, это не мешало ученому готовить учебник по русской истории. «Учебник русской истории, о котором сообщал Вам Изюмов, я действительно пишу, — сообщал он Мельгунову. — Написал в прошлой осени первую часть (X-XVII вв.), теперь помаленьку пишу вторую (XVIII-XIX вв.). Предназначен он для болгарских студентов и будет издан университетом на болгарском языке. На последнем до сих пор не было ни одной книги, излагающей русскую историю. Не очень спасают положение и русские книги. Курсы Ключевского и Милюкова слишком велики для впервые знакомящихся с русской историей болгар. Курса Платонова нет в продаже, по крайней мере, нет здесь. Это и заставило меня взяться за написание сравнительно <нрзб> листов в 40 учебника для студентов». Работа над книгой была связана с трудностями, являлась во многом вынужденной: «Не скажу, чтобы эта работа меня очень увлекала, но она была мне нужна и по материальным соображениям. Оплачена она будет неважно, но все же гонорар за нее, надеюсь, даст мне возможность избавиться от долгов, в которых я очень запутался и заткнуть наиболее зияющие дыры в нашем хозяйстве и одежде, так что жалования при всяческой экономии не хватает». [7, f. 143].

Это — лишь немногочисленные свидетельства освещения научной и учебной деятельности русских ученых-эмигрантов в их письмах С. П. Мельгунову. Тем не менее, и они позволяют сделать вывод, что его эпистолярное наследие является важным источником по истории русского академического зарубежья.

1. Михальченко С. И. Высшее образование русского зарубежья в эмигрантском эпистолярном наследии (по неопубликованным материалам) // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2015 г. Брянск, 2015.

2. Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.

3. С. П. Мельгунов — пассажир «философского парохода» (1922 г.) / Публ. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003 № 2.

4. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S.P. Melgunov papers. A.A. Kizevletter letters.
5. *Стародубцев Г. С.* Международно-правовая наука российской эмиграции (1918—1939). М., 2000.
6. *Foigt G.* Zerstörte Hoffnungen. Das Ende des Russischen Wissenschaftlichen Instituts // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. — Berlin, 1996. — N.1. — S.77-98
7. London School of Economics. British Library of Political and Economic Sciences. S. P. Melgunov papers. V.A. Miakotin letters.

А. П. Павленко

**КОМАНДНЫЙ СОСТАВ 3-й АРМИИ РККА
ПО ДАННЫМ ДОКЛАДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
АРМИИ ЗА АПРЕЛЬ 1919 г.**

Ядром вооруженных сил является офицерский корпус. Комплектование армии хорошо подготовленным, опытным командным составом является одним из важнейших условий ее боеспособности, успешности ведения боевых действий. Большевики поняли это в ходе строительства Красной Армии.

3-я армия РККА была сформирована преимущественно из уральских частей. Она была создана директивой командующего войсками Восточного фронта, отданной 20 июля 1918 г. [1, с. 3]. В 1918-1919 гг. это оперативно-тактическое объединение принимало активное участие в боевых действиях на территории Вятки, Урала и Сибири против колчаковских войск.

В фонде Уральского истпарта Центра документации общественных организаций Свердловской области отложилась машинописная копия «Доклада политического отдела III Армии за апрель месяц 1919 года» [2, л. 147 — 202]. В числе рассматриваемых в источнике вопросов — состояние армии, настроения и дисциплина личного состава. Определенное место отводится характеристике комсостава частей 3-й армии.

В начале апреля 1919 г. 3-я армия еще продолжала отходить под нажимом войск А.В. Колчака, но к середине месяца фронт «более-менее прочно закрепляется». В рассматриваемое время части 3-й армии стояли на территории Вятской губернии [2, л. 158, 183]. К сожалению, выяснить численность комсостава 3-й армии в апреле 1919 г. пока не удалось. Во второй половине июня 1919 г. объединение имело 2694 чел. командного состава [3, с. 71].